4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 20 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

«Эк. Ж.» публикует результаты обследования Севзапторга. При сокращении штатов было уволено 90 сотрудников и вскоре такое же количество было принято вновь на службу.

Рис. Б. Антоновского.

Клавдия Петровна Клячкина, уволенная 7 сего мая по сокращению штатов.

Нюся Пыжикова, принятая 7 сего мая на место уволенной Клячкиной.

БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Что ни словцо — то перспектива!
И что ни жест — то шах и мат!
Ах, за Германию ретиво
Взялся умелый дипломат,
И так расписывал шикарно
Всех европейских дам кумир:
И Лигу Наций, и Локарно,
И Возрождение, и Мир, —
Что было ясно и понятно:
Ей от соблазнов не уйти!
Она застряла безвозвратно
На уготованном пути!
И нас турнуть готовый взашей,
Чтоб не болтались меж колен,
Ее хотел уж слопать с кашей
Бриан Черчиллыч Чемберлен.
И вдруг — всем мистерам и сэрам
Неукоснительный конфуз!
И вдруг — скандал! — с Эс-эс-эс-эром
Вошла Германия в союз!
В смятеньи страны и народы:
Столпотворение точь-в-точь...

Не точно-ль так в былые годы
Гнезда помещичьего дочь, —
От скучной пустоты гостиных
С десятком заученных слов,
От важности обедов чинных,
От гулкой пошлости балов,
От лицемерия, от чванства,
От диадем и вееров,
От предводителей дворянства
Из недобитых шуллеров,
От иностранцев всех оттенков,
От молодежи „золотой“,
От жути крепостных застенков
Под псевдо-светской суетой,
От Ванек, проданных на семя,
От Танек, сгубленных шутя, —
Не точно-ль так в былое время
Гнезда дворянского дитя,
Простясь навек с отцовским кровом,
Бежала ото всех тайком
С простым и грубым — но здоровым,
Молодцоватым мужиком?

Желчный Поэт

ЗАПИСКИ ВРАЧА

В Симферополе — жена больного, умершего после операции, явилась в больницу и избила врача (Из телеграмм)

* Сегодня принимал троих. Два легкие, третий трудный. Жаловался на боли в желудке, отсутствие аппетита и отрыжку. Язык сух и обложен, область желудка чувствительна к давлению. Несомненно—засорение. Прописал порошки каломеля. Он спорил, доказывая, что это апендицит.

На прощание, ударил меня под левый глаз.

Думаю, что синяка не будет. На всякий случай кладу компрессы.

* Пятеро,—из них—две женщины.

Остальные били; каждый по-своему. Удар кулаком под пах (Regio inguinalis) считаю особенно серьезным. Час лежал пластом.

* Пишу левой рукой, так как правая временно выбыла из строя.

Это был очень трудный случай. У пациента — показание на блуждающую почку. Я ему сказал. Он обиделся и начал кричать, что просит без намеков на прогулы. Вопрос „не задержан ли у вас стул?“ привел его в бешенство.

В результате — боюсь, что у меня повреждена лучевая кость руки (Radius).

* Шесть. И все били.

* По случаю праздника, приема нет. Жду фельдшера, чтобы помассировать опухоль на ноге. Как приятно иметь хоть один день для залечивания ран!

Голове настолько легче, что снял повязку и даже написал стишки:

„Врач больного лечит, —
Больной врача калечит“.

* Нет, дорогие мои! Это слишком! Бейте, но зачем же до бесчувствия? Это же величайшая подлость: восьми пациентам навалиться на одного врача!

Я похож на ковер, выколоченный перед праздником.

Необходимо пересмотреть старые врачебные методы и выработать новые, если не хочешь преждевременно отбыть ad patres!

* Практика растет. Едва шевелю конечностями. В глазах—мелькание. Но, кажется, я нашел выход! Сегодня впервые применил новый метод.

Больной пожаловался на недомогание. Я сказал:

— Разденьтесь!

Разделся,—обнажив при этом такие мускулы (Musculus biceps), что я заранее обмер.

— Подавите себя под ложечкой. Не больно? Теперь подышите и послушайте, нет ли хрипов. Думаете, что нет? Прекрасно. Что же вы у себя находите?

Он поставил диагноз: „сибирская язва“. Я предложил ему собственноручно прописать рецепт, подав бумагу и перо.

Прописал: „аспирин, антипирин, пирамидон, шалфей, уксусную примочку“.

Я не возражал и, прощаясь, вложил ему в руку три рубля.

Он вышел вполне миролюбиво. С другими — тот же разговор.

Этот день мне стоил 18 рублей: шесть визитов по 3 рубля.

* 30 рублей! Но зато никто не бьет!

* Чорт возьми! Практика бешено растет. За два дня: 75 рублей. Ухлопал на больных все сбережения... Как дальше?

* Прочел в газете: „Несмотря на усилия биржи труда, врачи не едут в уезды“. Вот чудаки! Бросился на биржу. Предложил свои услуги. Всеобщий восторг.

— Но, — говорю, — я поеду при одном условии: землю дадите?

— Какую вам землю? Мы вам дадим целую больницу!

— Не надо, — говорю. — Довольно! Налечился! Видите — синяк под глазом и нижняя челюсть немножко сдвинута? Довольно! А поехать в уезд готов, ежели земельки дадите на самоличную пахоту.

Сухо просили зайти через недельку.

Каков-то будет диагноз?

Ив. Прутков

ЛЮБИТЕЛЬ РЕБУСОВ

Одной из распространеннейших форм тихого помешательства, именно решением ребусов, болен и Макар Мамашкин. Поэтому он был для всех самым незатейливым гостем: он приходил, ему совали ребус из старого или нового журнала, и он, забившись в уголок комнаты, замирал часа на три, до тех пор, пока не решит задачи.

Ко мне он пришел как-раз в тот момент, когда я занимался вырезками из газет материала для фельетона.

— Ребусишки нема?—поинтересовался Макар.

— Есть, есть, вчера еще приготовил. Куда я его сунул? Ах, вот он Извольте, Макар! Презанятный ребус.

После этого он моментально умер, — до того было неслышно его. Но, оторвавшись через два часа от работы, я увидел следующее: в углу над вырезкой коптел Макар, а приготовленный мною для него ребус лежал подле меня. И как-раз в этот момент Макар превесело засмеялся и воскликнул:

— Решил! Ну, решил же, решил! Эдакий ребусище, а решил!

— Макар, — уныло спросил я, — что вы решили? Ребус-то вот он.

— А это разве не ребус?

— Друг мой, — сконфузился я, увидев ту вырезку, которую держал Макар, — это всего-на-всего нечаянно подсунутое вам заглавие статьи, которую я резал... А ребус-то вот он...

— То-то я вижу—всего два слова „*режим экономии*". Что, думаю, это за ребус?.. Но я его всетаки решил.

— Что решил? Что это за „его"?

— Да ребус этот! Два эти слова: „режим" и „экономии".

— Голубчик, какой же это ребус? Это самое обыкновенное заглавие статьи, напечатанной в „Правде".

— А я решил, — упавшим голосом и крайне виновато отозвался Макар.

— Слушай, да как же мож...

— А я решил.

— Ничего ты не мог решить!

— Честное слово, решил. Вот, хоть выслушай. Слог первый „ре".

— Ну „ре".

— Нота. Понимаешь не, дипломатическая, а музыкальная, указывающая на то, что о режиме экономии можно мечтать только в том случае, если он будет проводиться музыкально, гармонично, безо всяких диссонансов, как оперная увертюра; если московского дирижера будет слушать даже последний барабанщик, если никакие самодуры и жалкие выскочки не буд...

— Понял! Понял! Ну, а дальше?

— Дальше еще проще. „Жим". Понимаешь? Жим... Скажи его несколько раз: „жим... жимм... джимм".. Милый, ведь это же слово „джимми"! Тот самый подлый джимми, который безобразит ногу, если это—ботинки, или уродует голову, если это кепка. Ты пойми: вместо прекрасных ботинок с тупым носом, стоивших в „Скороходе" всего 12 рублей, жалкие рабы моды платят за глупый нос, за нелепый фасон лишних пять рублей и, что глупее всего, за эту плату не получают никакой пользы.

— Я думаю всетаки, что джимми совсем не связано с режимом.

— Благодарю тебя! Ты—жалкий слепец! Ведь это же целый крик! Хотите режима? Так долой джимми из предприятия, из контор, с завода, с фабрики, долой все ненужное, долой все, что...

— Ладно. Ладно. Понимаю. А вот словечко „экономия". Что ты скажешь относительно буквочки „э"? Ну-ка? Ну?

— Какой пустяк! Третья буква с конца алфавита—это „э". „Э, ю, я.". А третья с начала алфавита „в"? Вор.

— Вареники... Варежки... Весна... Варвар Васильна...

— В ребусе требуется единственное из всех возможных слов, и это слово есть „вор". Антипод „э" есть „в". Северный полюс „экономии". Южный—„вор". Кто не экономит,—тот ворует.

— Э, ну тебя! „Ко"? Следующий слог „ко".

— Как тебе не стыдно! Даже ребенок знает, что „ко"—это „копейка". Естественно, если я сказал „э", а „э" противоположно „в", т.-е. „вору", то даже копейка и та должна иметь для меня большую ценность.

— А что ты скажешь относительно „но"?

— Самый обыкновенный союз, вот, что я скажу. И обрати внимание, что этот союз приведен не сокращенно „но", а полностью „но". Выход короток и ясен—весь союз, т.-е. СССР, именно весь, а не часть его, должен участвовать в режиме экономии.

— „Ми" это, конечно, нота?

— Конечно.

— Нота вначале, нота в конце, — недовольно протянул я.

— Абсолютно правильно! Сказал „а", говори „б"! Вначале подчеркнул, что успех возможен только без диссонансов, подчеркни и в конце! Жирнее! Этим начал, этим и кончил! Правильно!

— Ну, конец-то, положим, не „ми", а „я".

— Да, — я, ты, он, мы, вы, словом все. Для кого режим? Для всех и, первым делом, для каждого! Ну, что? Труднейший, брат, ребус, да и не таковские мы решали!

Он залился веселым довольным смехом, каким смеются все решающие ребусы в ту минуту, когда добредут до полного и несомненно правильного ответа...

Евграф Дольский

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Рис. Б. Антоновского

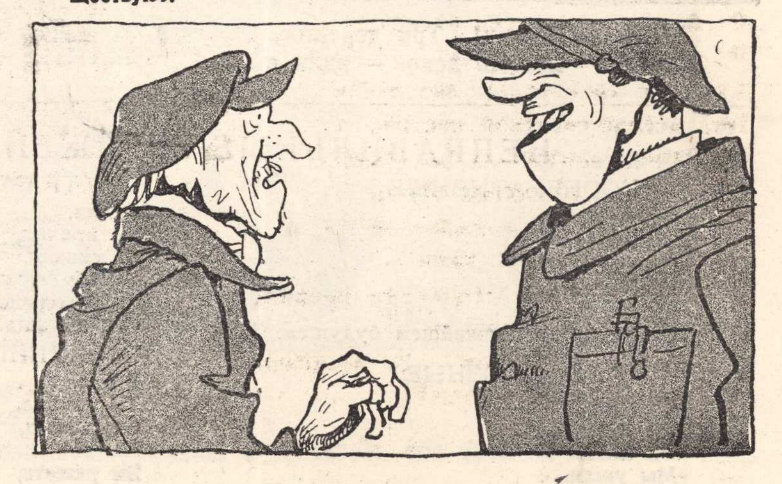
— Ну, как живешь-можешь?
— Да не дурно. Во Всекинотресте служу.

— Чтож ты, неужели по кинотехнике знатоком заделался?
— Эк, хватил! Никакой я кинотехники не знаю. Для этого у нас спецы есть.

— Так ты бумажки составляешь?
— А зачем? На это секретарь и делопроизводитель существуют.

— Так что же ты-то там делаешь?
— А я главным директором состою.

РАЗНОГОЛО́СИЦА

Рис. А. Радакова

Середняк сдерживается, боится алиментов, а бедняк десять девок портит в год, с него ничего не возьмешь. (Из доклада А. В. Луначарского.)

Кулак: И надо-бы жену,
Да не растрясти б мошну!..

Середняк: Взял бы девку моложе,
Да себе дороже:
Не по средствиям энто —
В рассуждении алимента!

Бедняк: И-эх-х!.. Три деревни, два села,
Восемь девок — один я!
Гуляй без последствий, —
Потому—ни у меня, ни против меня нету средствий!..

НЕПРАВИЛЬНЫЕ СПРЯЖЕНИЯ

КООПЕРАТИВНЫЕ

Я дал,
Ты взял,
Он крал,
Мы сидели,
Вы сидите,
Они сядут в ближайшем будущем.

ПРОФСОЮЗНЫЕ

Я зевал,
Ты дремал,
Он спал,
Мы ушли,
Вы уйдете,
Они продолжают собрание.

ТРАМВАЙНЫЕ

Я жал,
Ты кричал,
Он скакал,
Мы пёрли,
Вы ругались,
Они вытащили кошелек.

ХУЛИГАНСКИЕ

Я бил,
Ты пробил,
Он разбил,
Мы колем,
Вы режете,
Они пишут в газетах.

Арк. Флорин

АФОРИЗМ

Катиться легче под уклон.

ОЧКИ И ПАЛЬЦЫ

Вследствие отсутствия стекла сильно вздорожали очки.

(„Красная Газета")

Не заповедь—в громоздкие скрижали,
А так,
Пустяк
В скрижальцы:
„Когда очки подорожали,
Смотри сквозь пальцы".

ТАЛАНТ

Рис. В. Лебедева

— А я вчера дважды на чужой счет прошелся!
— Вы кто же—юморист или литератор будете?
— Да нет! Я—пешеход! Два раза меня мильтон штрафовал, и приятель оба раза за меня штраф платил!

СТРОИТЕЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ

Рис. Л. Бродаты

— Что это вы, Иван Андреич, печальный такой?
— Да вот вспомнил слова своего завхоза:—Надейтесь, говорит, на меня, как на каменную стену! Ну, и боюсь теперь!

ИСПРАВЛЕННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

За морем телушка полушка, да за контрабанду 3 года.

Чем дальше в лес, тем больше дел о самовольной порубке.

Тише едешь—в крушение не попадешь.

К. Ш.

ЛИКВИДАЦИЯ

„Многие губисполкомы применяют ко всем, отказывающимся посещать пункты ликвидации неграмотности, меры административного воздействия, вплоть до принудительных работ".
(«Веч. Москва», № 73)

— Стерьва!—закричал на жену Иван Парамоныч.—Куды арихметику-то подевали? Милиция сейчас придет: неграмотный экзамент делать будут!

— Господи!—заметалась в страхе жена. — Не знаю, куда ее задевали? Вот она! Два листка-то передних уже искурил из нее, чорт поганый! Теперь отчитывайся!

— Раскладай на стол все книги!—командовал Иван Парамоныч.—Будто мы сидим и читаем. Экое горе какое! Петькина, сказывают, в тюрьму упекли уж! Десять уроков пропустил...

— Вот, Иван Парамоныч, — запричитала жена, — сколько раз говорила: давай аккуратно на эту неграмотность ходить, а ты все: некогда да некогда...

Жена с тоской посмотрела на потолок.

— Скольки-ж это будет семью - восемь-то? Всюю таблицу уж забыла.

— Семью-восемь? — переспросил Иван Парамоныч.—А ляд его знает! Сенька-то где?..

— На улице. Вон в бабки играет...

— Давай, зови его! Жива-а!..

Прибежал вихрястый Сенька, держа в руках шапку с бабками.

— Вот что,—строго сказал отец.—Ты это того, таблицу умножения хорошо знаешь?

— Знаю.

— Ну, вот... Полезай ты на палати и оттуда подсказывай нам с матерью. Сейчас экзамент нам будет. Понял? На пальцах подсказывай. А то потом вспорю, смотри!

Отец помолчал, расправил пальцами седеющую бороду и спросил:

— Семью-то восемь сколько? Вон мать не знает.

— Семью - восемь?—переспросил Сенька, громоздясь на палати.—Семью-восемь пятьдесят шесть...

— Ну, вот. Я так и думал, что пятьдесят шесть...

— Сколько, Сеня?—заспешила мать.

— 56!

— Идут! Идут!—закричал Иван Парамоныч и замахал руками.

— Господи!—сказала посеревшая от страху мать—Руки-ноги трясунец взял. Все вылетело... Сеня, а Сеня! Америка-то эта, где находится: в Европе али в Африке?..

— Цыц, вы!—прикрикнул Иван Парамоныч и, потирая руки, с деланной, приветливой улыбкой встречал гостей: квартального Сидорова, двух рябых милиционеров и учителя Ивана Диомидовича в порыжелых сапогах.

— Здраствуйте, здраствуйте!..

— Вот что, гражданин Стоеросов!—сказал квартальный, раскрывая портфель.—Вы и жена ваша—самые злостные неграмотщики. На ликпункт не ходите...

— Как же? Как же не ходим?—перебил его Иван Парамоныч Стоеросов.—Тольки мы сидим в задних рядах, нас не видят... А мы ходим... Как же?

— Ну, это Иван Диомидыч разом обнаружит. Садитесь.

— Так вы говорите, что вы ходите? — сказал, смущенно улыбаясь, Иван Диомидыч.—Вот разберем тогда вчерашний урок. Скажите, гражданка Стоеросова, сколько будет, если 45 разделить на пять?

Стоеросиха дрожала мелкой дрожью и косила глаза на палати. Сенька вывертывал пальцы, но понять его не было никакой возможности.

— С испугу это она запамятовала, — вступился Иван Парамоныч.—Ну, чего ты, дура, обробела? Дома одна и не таки задачи решает! Ну, говори квартальному, сколько 45 поделить на 5?

— Не знаю я, товарищи, — охнула Стоеросиха. — Ох, не знаю... Корова у меня еще не доеная... Дозвольте до ветру выйти! Испужалась я очень...

— Какая это буква?—спросил учитель Ивана Парамоновича, указывая на букву „Х".

— Это? Это?. Это, это самая, как ее... Все, понимаете, буквы знаю, а эту вот всегда забываю...

Экзамен кончился весьма неудовлетворительно.

Квартальный вынул из портфеля расчетную штрафную книжку и сказал:

— Итак, дома вы не занимаетесь, на ликпункт, ясно уж теперь, никогда аккуратно не ходили, несмотря на неоднократные напоминания, а потому, принимая во внимание...

ЗАЩИТНИКИ ПОРЯДКА

Рис. Л. Бродаты

После 12-ти часов ночи в верхних этажах запрещается всякий шум.
(Из обязат. постановления)

— Эх, черти, постановления не знают! Первый час уже, а покою нет!

Он помусолил карандаш и подсчитал:

— Извольте уплатить штраф. За арифметику 2 рубля 70 копеек, за русский язык три с полтиною, за географию... Итого, десять рублей 11 копеек!..

На другой день, еще не забрежжило и утро, после вторых петухов, Стоеросовы—с сумкой, с пеналом, с чернильницей на веревочке—потянулись к школе.

У школы уже чернела толпа, жаждавшая ликвидировать свою неграмотность. Стоеросовы присели в уголке и вслушивались. Чей-то голос говорил:

— Да-да, ученье — свет, а неученье — тьма!..

Его поддержал кто-то еще, сказав со вздохом:

— Истинно — тьма! У меня вон вчерась последнюю лампенку за непосещение-то ликпункта этого описали...

Где-то за сараями хриплыми спросонок голосами запели третьи петухи...

Вл. Тоболяков

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РЕВВОЕНСОВЕТА

«Красный Николаев» сочными мазками набрасывает портрет Уполномоченного Реввоенсовета, прибывшего в Николаевский округ, на предмет всучивания литературы:

На нас это производит внушительное впечатление. Эффектный кожаный костюм, галифе, солидная полнота, внушающий доверие голос. На груди красуется значок, похожий на орден Красного знамени. Соответствующий апломб. Одним словом, все для убедительности налицо.

Заключительный аккорд—аршинный мандат. И на нем—штамп „Реввоенсовет Республики“. Это большими красными буквами. А маленькими, незаметными—„ГВИЗ“. Другими словами, Государственное Военное Издательство.

Уполномоченного сопровождает „личный секретарь“ Штерн. Вот и вся канцелярия уполномоченного. В задачи уполномоченного, как он заявлял, входит *„укрепление военной мощи СССР“*. Как видите, задача почетная и ответственная. Въезд в села—столь же почетный. На повозке развевается красный флаг.

Уполномоченный действовал по раз навсегда установленному способу: вызывался председсельсовета, в нос председсельсовета тыкался мандат, мандат начинал действовать: сельсовет созывал сход. Уполномоченный делал доклад о международном положении, передавал собравшимся привет от Реввоенсовета Союза, а затем предлагал „проголоснуть“ уже заранее заготовленную на машинке резолюцию „.. Единогласно постановили выписать военной литературы на 150 рублей“. В случае протестов, уполномоченный грозил занести в протокол, что имя рек выступает против Сов. власти.

Спрашивается, когда наконец уберут аршинные мандаты с семью печатями, дающие возможность прохвостам из центра обирать народ, всячески пороча при этом высокие учреждения Союза?!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

Рассказывает пермская «Звезда»:

Красно-Верещагинский РИК издал следующее: —

Распоряжение № 26.

За последнее время замечается разгласка среди населения сотрудниками РИК'а разного рода сведений и вообще всей проходящей через РИК работы, на основании чего предлагаю: всем сотрудникам РИК'а, под личную их ответственность всю работу РИК'а а также все сведения по той или иной отрасли работы сохранять в тайне. *При обнаружении в будущем подобных явлений, виновные будут привлечены к ответственности, вплоть до увольнения со службы.*

А мы думали: «вовлечение беспартийных в работу», «широкая гласность», «ближе к массам»...

Среди драгоценных уральских камней Красно-Верещагинский РИК займет не последнее место.

ЕЩЕ О КРУШЕНИЯХ, ИЛИ 2 РУБЛЯ 63 КОП.

Жалуется машинист в «Борьбе»:

Сколько раз спрашивали машинисты и помощники в паровозном столе депо Сталинграда Ю.-В. ж. д. у т. Старшова «Правила технической эксплоатации» и все получали ответ:

— Скоро пришлют из управления.

Наконец, правила пришли, но получить их можно только *за 2 р. 63 к.* А между тем, каждый агент, связанный с поездной службой, *должен снабжаться правилами бесплатно.*

Граждане! Если поедете по Ю.-В. ж. дороге, не пожалейте двух с полтиной, купите «Правила эксплоатации» и почитайте машинисту. Авось, доедете?!

За глупость заведывающего паровозным депо — ручаемся. А за вашу драгоценную жизнь—нисколечко!

ЖЕРТВА ЭПИДЕМИИ

Грипп продолжает свирепствовать. И если не редки случаи, когда больные гриппом кончают сумашествием, то теперь уже приходится отметить еще более страшную форму гриппозного осложнения: заворот мозгов от одной мысли о гриппе.

Примером может служить следующее, вывешенное во 2-й Краснодарской жел.-дор. школе —

„ОБЪЯВЛЕНИЕ!!!

ПРЕДЛАГАЕТСЯ ВСЕМ ШКОЛЬНЫМ РАБОТНИКАМ 2-й Ж.-Д. ШКОЛЫ О ЗАБОЛЕВАНИИ ДОВОДИТЬ ДО СВЕДЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ШКОЛЫ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО“.

Бедный автор объявления! Не будь его голова затуманена болезнью, разве допустил бы он такую недоговоренность? Разве не написал бы он более детально:

„О заболевании доводить до сведения за две недели до оного.

ВОЛЖСКАЯ ОКОЛЕСИЦА

Читаем в газетах:

Трест Волгаокалес не платил рабочим 2 месяца и, в конце концов, расплатился... деревянными ложками, колесной мазью и вазелином

Пр-р-равильно!

А пройдет еще 2 месяца и—глядишь—получай новую плату: Корсет, губную помаду, крем для ногтей.

И не узнаете рабочего—до того переменится с головы до ног!

Если, конечно, не протянет этих последних.

ПО ПРИВЫЧКЕ

Рис. К. Рудако

— Только смотри, чтобы без обману! Как в кооперации взвешивай! С походом, чтобы!

ОСКОРБЛЕННЫЙ НОС

„Кр. Кронштадт“ помещает протест некоего возмущенного О. М.:

Некоторые девчата-пионерки (в 1-й базе) мирно разговаривают о том, где были, кого видели, с кем гуляли (а от самих чуть не за два километра несет не чем-нибудь, а... парфюмерией).

И вы скажете, О. М., что предпочли бы, чтобы от девчат пахло табаком и мышами? Ой-ли! Брешете, товарищ!

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

„Ленинградская Правда“ в № 85 приводит любопытные данные о стоимости маленькой полярной экспедиции:

Служащие *Экспортхлеба Гименфальд и Гулер* командированы в Мурманск для определения степени засоренности хлебных культур, отправляемых за границу.

Гименфальд и Гулер получили командировочные, получили подъотчетную сумму на путевые расходы, плюс к этому 50% от командировочных за то, что Мурманск находится за полярным кругом!

А главное то, что эти определители хлебной засоренности получают «кроме всего» и сверхурочные! За месяц ими получено 940 рублей:

Все это, вместе с зарплатой в 140 и в 180 руб., даст весьма приличную сумму.

Экспедиция Амундсена на северный полюс вероятно обходится значительно дешевле.

Эх, кого-нибудь командировать бы в Экспортхлеб (благо он находится не в пределах полярного круга) для определения степени засоренности личного состава.

НЭП В ИСКУССТВЕ

Рис. Б. Малаховского

В крупных центрах применяется, в гигиенических целях, стерилизация и обандероливание парикмахерских кисточек.

НЭПМАН: — Что? Вы хотите красить мое лицо обыкновенной кисточкой, которой вы до меня красили десятки других лиц? Немедленно возьмите простерилизованную и обандероленную!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Борьба за качество и производительность — в порядке дня. Недаром Гос. Химико-Фармацевт. завод имени Н. А. Семашко так рекламирует свой „Шампунь":

> Растворением этого порошка в 5 стаканах воды температуры теплой ванны получается прелестный, любимый всеми
>
> ШАМПУНЬ
>
> для мытья и холи по американскому и английскому способу кожи головы, а именно той ее части, которая производит волосы.

Мало холи знала голова коммерческого директора вышеозначенного завода. Особенно та ее часть, которая, кроме волос, производит также и мысли.

*

Есть такой журнальчик „Рабочий и Театр" (Ленинград). Журнал массовый, рассчитанный на рабочего читателя. В № 14, в рецензии о „Пахите", читаем:

> Об исполнителях-воспитанниках пока можно сказать немного хорошего. Сказывается еще неуверенность, отсутствие необходимой координации в движениях, в построении групп. И со стороны технической не все обстоит благополучно: у большинства учениц **„висячие" колени** (даже у исполнительницы главной роли — Дуленко), **мало развитая выворотность**, плохо поставленные руки.

У рецензента — спору нет — выворотность хороша. Но руки также поставлены плохо.

*

Анри де-Ренье в романе „Полуночная свадьба" рассказывает при благосклонном содействии русского переводчика, А. А. Смирнова:

> „В глубине души он презирал *своих нынешних моделей*" (стр. 73).

То-ли еще можно делать с грамматикой в глубине души! Недаром сказано: чужая душа—потемки—никто не увидит! А воочию, на бумаге, дорогой товарищ Смирнов, пощадите *великого русского языка!*

Честью просим!

*

Внимание всего цивилизованного мира приковано к новой попытке Амундсена пробраться на Северный полюс.

Географ Ю. М. Шокальский, высказывающийся в веч. „Красной Газете" по вопросу—существуют ли на полюсе люди и растительность, настроен довольно пессимистически.

В заключение, он говорит:

> Эта страничка старушки вселенной (Северный полюс) еще никем не прочитана, и покуда она еще не прочитана — она остается неразгаданной. А что не разгадано, то покрыто мраком неизвестности.

Хорошо, но мало. Из уважения к полюсу, можно бы и продолжать:

...А что покрыто мраком неизвестности, то окутано тайной. А что окутано тайной, то не поддается описанию. Все же, не поддающееся описанию...

И так далее,—вплоть до того счастливого момента, когда Амундсен, наконец, долетит до полюса и узнает, что **там и как.**

*

Газета „Торговые Известия" обижает одного подписчика.

Нам прислан такой адресный ярлычек:

> № 2383. Торговые Известия
>
> г. Чита — тр. 241
>
> Забайкальск. губ. — м. 18
>
> К-ре Читинск. Отдел. Акц. О-ва «Капусное дело»
>
> на год — 1 экз.

Дело тут не в отсутствии одной буквы—хотя, конечно, „Торговые Известия" должны бы знать, что „Капустное" пишется через букву „т".

Дело в том, что никакой **конторы** „Капустного дела" нету, а подписчиком состоит „Книжное дело".

Зачем же такая насмешка? **Госиздат 60 миллионов книг засолил впрок, как капусту, а вы читинскую контору обижаете!.. Не по адресу!**

КАМЕНЬ НА ШЕЕ

— Папаша! Пожалуйте сюда, папаша!

Дверь осторожно приоткрылась. Выглянул жалкий, запуганный старичок, похожий на потрепанную метелку.

— Изволили звать, Степан Захарыч?

— Влазь, папаша! Не бойсь!

Уловив в интонации сына неожиданно-доброжелательные нотки, старик, видимо, пришел в недоумение. Беззубый рот раскрылся, и брови поползли вверх.

— Иди, иди, говорю, — подбадривал сын:—не стесняйсь, иди. Садись вот на стульчик, папаша!

— Не извольте беспокоиться, Степан Захарыч, — почтительно прошамкал старичок. — Мы и постоим.

— Так как же, папаша, насчет происхождения? А? Купец, говоришь, второй гильдии? Магазины имел, капиталы наживал?!

Старичок шевельнулся и задрожал, виновато моргая.

— Простите, Степан Захарыч!.. Бес попутал... Несознательность наша...

— Как же это ты, папаша? А? Как же это ты родного дитя в такое непролетарское происхождение поставил? Как же ты осмелился? Ну?

Несмотря на всю убийственность задаваемых вопросов, голос сына продолжал оставаться добродушным.

Старик окончательно растерялся, будучи не в силах объяснить этот неожиданный факт.

— Чего-ж ты молчишь, папаша, словно саботажник? Отвечай по существу!

— Простите, Степан Захарыч ..—растерянно бормотал старик,—как я вам докладывал прежде, вся беда несчастная через отца моего, а вашего подлого дедушку, Кузьму Фролова...

— Знаю. Слыхал. Деревню на город сменил. Заместо хлебопашества хлеботорговлей занялся, в купчишки вышел и все наше происхождение замарал. А как же ты, папаша, осмелился мне такого анафему дедушку подсунуть? А?

Старик мучительно вздохнул и безнадежно развел руками.

— Старый режим, Степан Захарыч!.. Темнота наша при царизме... Сам я не понимаю, как такое вышло, Степан Захарыч... Бес попутал...

— Не понимаешь? Знаем мы вас, родителей! Ишь каких непонятливых разыгрывают! Ты не понимал, а я за это страдай? А я за это всю жизнь майся? „Кто, дескать, ваши родители? Что делала ваша дедушка?" Легко мне это, по-твоему переносить?

— Не легко, Степан Захарыч!..—покорно, как эхо, согласился старик. Сын выдержал паузу и, насладившись убитым видом отца, неожиданно сказал:

— Ну, вот что. Радуйся, старичок: амнистия тебе вышла. Слушай, что написано товарищем Ярославским в „Рабочей Газете" о вашем брате родителе:

„Контрольные комиссии постоянно очищают партию от чуждых элементов". Слухай дальше. „Но мы не можем выбросить из партии преданного пролетарской революции хорошего коммуниста-партийца только потому, что отец его был поп. В этом партиец, конечно, не виноват, он не мог себе выбрать отца пролетарского происхождения в день своего рождения, а сейчас переменить отца поздно"... Понял, папаша?

— Напраслина это, Степан Захарыч!—затрясся старичок.—Насчет купечества—действительно, сознаюсь, был грех. И насчет дедушки виноват—не доглядел. А чтобы попом? Умереть мне на этом месте не сходя,—ежели я был поп! Напраслину пишут, Степан Захарыч... Не верьте, Степан Захарыч!.. Ни в жизнь не был попом... Со стороны маменьки вашей, упокойницы, действительно, был один отдаленный мелкий дьячок, но и тот, слава богу, своевременно утоп в проруби, под пьяную руку, в 1876 годе!.. И никто об этой фамильной неприятности не знает, окроме меня...

— Обожди, папаша, — не тарахти! Здесь поп—для примера приведен, как высшая мера позорного происхождения, Одним словом, папаша, ты теперь разъяснен печатно и аннулирован в смысле инкриминируемого мне камня на шее. А поэтому, папаша, гуляй свободно, не страдая насчет происхождения. Понял? Я теперь тебе и слова об этом не скажу: живи на законном основании, хотя и бывший купчишка-капиталист.

Старик застыл в недоумении и, видно, не очень верил.

— Что же ты очумел, папаша? Эк тебя пришибло!

— Шутите, Степан Захарыч... Как же это так—живи на законном? Девять лет это самое... и вдруг... Не смею верить, Степан Захарыч...

— Вот чудак! Говорю—амнистия. Говорю — восстановлен в своих родительских правах. И вот что: не зови ты меня Степан Захарычем—вали просто: Степка! Ну? Говори безо всякого: „Степка, едят тя мухи!"

Старичок скосил подозрительно один глаз и, набрав воздуху, сказал не сразу:

— Степка, Степан Захарыч... Кушают вас му... Извините, неловко с отвычки...

— Ну, ладно, папаша. Понемногу отойдешь. На вот тебе, папаша,—побалуйся нарадостях!

Сын вытащил из профкнижки зеленую бумажку и сунул в руку старику.

— Это разовый профсоюзный билет в кино. Бери, не стесняйсь. Ходи, на здоровье!

* * *

Через неделю, как-то вечерком, старичок—бодрый и молодцеватый, словно омоложенный—вошел к сыну.

— Ну и штуку ты мне, Степка, дал—билет этот! Который день—и все местов нету... Сколько кинов обегал зря!..

Сын глядел на него тяжелым, грозным, уничтожающим взглядом. Все было ясно.

На столе лежал лист. На листе: „Чем занимались ваши родители?"

Старик завял и скрючился, моментально, как трава на огне, и попятился из комнаты.

— Простите, Степан Захарыч... Ослышался, будто звать изволили...

Ив. Прутков

НА МЕСТАХ

— Ну, как весенний разлив реки?

— Отлично-с! Выше довоенного уровня.

АЛИМЕНТАРНЫЙ РИСУНОК

Н. Радлова

ХЛЕБНАЯ КРОШКА

ЕДЕТ... ЕДЕТ... ЕДЕТ...

(Строки во всесоюзном масштабе)

Пред. В.С.Н.Х. т. Дзержинский выехал в С.С.С.Р. для обследования хоз.-промышл. центров.

(Из газет)

Пред'ы „предят“, зав'ы бредят,
А главбух'и в книги — бух!
— Едет... Едет... Едет... Едет...
Вышибать тлетворный дух!!

Чисть паркеты, правь анкеты,
На работу нажимай!
Вверх и вниз летят пакеты —
Вот так — новость! Вот так — май!..

Глянь-ка в штаты, бей в набаты,
Забирай расход в зажим,
На прорехи ставь заплаты,
Итого — даешь „режим“!..

От Ташкента до Донбасса,
От Урала до Баку,
Не теряя дня и часа,
Все бумажки — на чеку.

Распатронив блеск ремонта,
Позамазавши грехи,
Вдоль хозяйственного фронта
Главковерха ждут верхи.

Громоздятся „дел“ охапки,
Скачут цыфры по столам...
Зря, друзья!.. *Бессильны папки*
Там, где судят по делам!

Александр Флит

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Рис. Н. Радлова

Делаются опыты с насаждением в СССР каучуковых деревьев.

— Посадил каучуковое деревцо. Может, даст бог, к будущему году калошки вырастут.

ДОСТИЖЕНИЕ

Иван Иваныч, едучи домой со службы, наспех проглядывал в трамвае газету. Ему бросились в глаза отдельные фразы какой-то статьи:

— Всерабкино...
— Потрясающая картина...
— Невероятная постановка...
— Миллион трюков...
— Все режиссеры и Звезды Экрана...
— Конкурс сценариев...
— Лучшая фильма сезона...
— Сотни тысяч на рекламу...

— Эге! — сказал Иван Иваныч, ибо он был любителем кино. — Надо будет обязательно прочесть дома. Очевидно, какая-нибудь небывалая драма или выдающаяся комедия.

Но оказалось, что статья говорит о результате ревизии Всерабкино. Открылась потрясающая картина бесхозяйственности. Обнаружена совершенно невероятная постановка дела. Миллион трюков и преступных ухищрений со стороны коммерческой части. Все режиссеры и звезды экрана замешаны в злоупотреблениях. Конкурс сценариев окончился скандалом. Лучшая фильма сезона испорчена неумелой монтировкой. Сотни тысяч на рекламу выброшены бесполезно и непроизводительно.

— Эге!—сказал Иван Иваныч, ибо он был любителем кино. — Действительно!

И задумался над вопросом: что-же здесь всетаки такое?

Небывалая драма или выдающаяся комедия?

Мел. Ш.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются

24. *Краснодар, П. Сим-ву*, Вы пишете:
„Свершилось чудо...
— Ах, какой массаж!“

Осмеливаемся полагать, что массаж вы спутали с пассажем. А это—большая разница.

Например, по поводу ваших стихов можно было бы сказать: — Диво!

А мы говорим: — Дико!

Одна маленькая буковка весь смысл меняет.

25 *Полтава, Семену Кирпичикову.* Старо. Длинно. Скучно.

26. *Киев, Ивану среднего достатка.*
«И хоть на ваксовой рекламе
Многого не изобразить.
Но все же было очеви но,
Что наш Иван... честной пиит».

Из вас выйдет толк. Не отрывайтесь от ваксы.

Ив. Пр.

БОРЬБА С РОСКОШЬЮ

Рис. Б. Малаховского

Семеновская ячейка Комсомола постановила, что т. Степанов, вставивший три золотых зуба, обязан отдать их в пользу беспризорных, иначе будет исключен из Комсомола.

— Доктор! Дозвольте сказать до хлороформы: шелковыми нитками не зашивайте! Увидят шелк — из ячейки выкинут!

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчин.

Ленинградский Гублит № 15695. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14. Заказ № 2726. Тираж 80.000.

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС ОТКРЫЛ НЕ НОРВЕЖЕЦ АМУНДСЕН,

Рис. А. Радакова

а американец Джек Паркер;

или француз Поль Дюрлю;

или немец Карл Клопворст;

а нето наш русский Коля Тютиков, из управделов...

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР — СПЕЦИАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ